

МОНАСТЫРСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Христианская благотворительность связана с церковным учением о помощи нуждающимся как отражение всеобъемлющей любви к ближнему, основы которого восходят к первым векам христианства. «В рай входят святой милостыней» – одна эта поговорка, весьма распространенная в дореволюционной России, свидетельствует о прочном усвоении разными слоями общества правила, что вера без дел мертва. Следует отметить, что личная милостыня была не просто исполнением заповеди о любви к ближнему. «Никакими методами социологического и изучения нельзя вычислить, – писал в конце XX века В.О. Ключевский, – какое количество добра вливала в людские отношения эта ежедневная, молчаливая тысячерукая милостыня, насколько она приучала людей любить человека и отучала бедняка ненавидеть богатого» [1, с. 80].

Благотворительный институт Русская Православная Церковь унаследовала от Константинопольской Церкви и Византии. Со времени христианизации Руси до петровских реформ дело благотворительности или «общественного призрения» почти полностью находилось в руках Православной Церкви. Оно было закреплено за Православной Церковью еще церковным уставом князя Владимира, при котором состоялось крещение Руси. Наряду с «чернцами и попами», «нищия, слепые и хромые» считались «церковными людьми». Такой порядок засвидетельствован и в Судебнике 1550 г.: «...а на монастырях жити нищим, которые питаются милостыней от церкви Божией» [2, с. 279].

В дореволюционной России церковная благотворительность осуществлялась приходами, братствами и монастырями. Самоорганизующиеся, финансово независимые приходы могли содержать и поддерживать инвалидов, престарелых и сирот. Так, писцовые книги XVI–XVII вв. свидетельствуют о существовании богаделен при многих приходских храмах.

К середине XIX в. традиция церковной благотворительности несколько ослабла в связи с общим упадком приходской социальной актив-

ности. В попытках возрождения благотворительной деятельности ее сторонники обратились к опыту Юго-Западной Руси, где с XVI в. существовал институт братств. Изначально братства – это собрание духовенства и активных мирян одного либо нескольких приходов, иногда одного города, уезда, реже – епархии. Одной из основных сфер деятельности братств была благотворительность, в которой они достигли определенных успехов. В 1864 г. Александром II было принято законодательство о церковных братствах и церковно-приходских попечительствах, урегулировавшее юридический статус братств и организацию церковно-приходских попечительств. Это создавало определенные благоприятные условия для дальнейшего развития церковной благотворительности. Так, широкую известность приобрели приходские общества Петербурга. Известным поборником приходской благотворительности был священник Александр Гумилевский, основавший в 1863 г. в столице приходское Александро-Иосифовское братство. В одном только Христорождественском приходе действовали приют-школа, рукодельный приют, богадельня для одиноких женщин, бесплатная квартира для нищих, больница, братские обеды для нищих, община сестер милосердия [2, с. 283].

В 1914 г. С. Рункевич отмечал, что за 50 лет в Петербурге возникли 33 жизнеспособные приходские организации с общим капиталом в 5 млн. рублей, дававшие приходское вспомоществование нуждающимся годовым объемом в 4 тыс. руб. денежных постоянных и единовременных пособий и до 200 тыс. руб. на бесплатные обеденные порции. Имелось 1000 мест в собственных богадельнях, 800 мест в детских приютах, 200 – в бесплатных квартирах; далее следует упомянуть несколько библиотек, бесплатную медицинскую помощь [3, с. 23].

Важными центрами церковной благотворительности еще со времен Древней Руси являлись православные монастыри. Однако как в дореволюционной, так и в современной исторической литературе тема монастырской благотворительности не входит в основные направления изучения истории русского монашества [4, с. 7–10].

В Древней Руси различали три вида иноческой жизни: общежитие, житие особое и отходное. Отходному житию посвящали себя люди, стремившиеся жить в полном пустынном уединении, посте и молчании. Оно считалось высшей степенью иночества, доступной лишь тем, кто достигал

иноческого совершенства в школе общего жития. Особное житие вообще предшествовало монастырскому общежитию и было подготовительной к нему ступенью. Оно было распространено в Древней Руси и принимало различные формы. Иногда люди, отрекавшиеся или помышлявшие отречься от мира, строили себе кельи у приходского храма, избирали даже игумена как духовного руководителя, но жили отдельными хозяйствами и без определенного устава. Другие селились в пустынной местности человека по два, по три, образуя небольшие отшельнические поселки. Такое особое житие само собой переходило в общежитие [5, с. 157–162].

Общежительный монастырь – это монашеская община с нераздельным имуществом и общим хозяйством, с одинаковой для всех пищей и одеждой, с распределением монастырских работ между всей братией. Ничего не считать своим, но все иметь общее – главное правило общежития. Общежительный монастырь под руководством деятельного основателя представлял рабочую общину, в которой занятия строго распределялись между всеми, каждый знал свое дело, и работы на каждого шли на «братскую нужду». Такие монашеские земледельческие общины, располагавшие значительными запасами продовольствия, не только кормили бедных в своих монастырях, но в неурожайные годы помогали соседним селам хлебом и другим продовольствием. Писцовые книги XVI в. при описании монастырских земель и хозяйств очень часто упоминают особые приюты для бедных. Особенно был широко известен своей благотворительностью Троице-Сергиев монастырь. «Туда, – писал во второй четверти XVI в. С. Герберштейн, – ежегодно стекается множество народа, чтобы поклониться святыне... И сколько бы ни собралось людей, всем всегда хватает еды, и всегда остается столько, сколько нужно для пропитания монастырских слуг, так что там никогда нет ни недостатка, ни избытка» [5, с. 192].

В XVII в. за счет доходов от монастырских владений Патриаршей области в Москве был создан приют для нищих на 412 человек. В Савино-Строжевском монастыре под Москвой было две больничные койки на 48 мест для иноков и мирян. В Новгороде за счет епархиальных монастырей содержались две больницы, два ночлежных дома и приют для нищих [5, с. 192].

После Смуты начала XVII в. в некоторых монастырях появились сиротские приюты. В 1651 г. в Троице-Сергиев монастырь было прислано

много сирот – детей павших в сражениях служилых людей. В это время в обители было до 600 сирот, которые не только получали кров и содержание, но и обучались чтению, письму и ремеслам. Большое количество детей было помещено в специально выстроенном для них в 1636 г. доме в Соловецком монастыре, где они содержались за счет монастыря. Особенно хорошо был организован сиротский приют в Кирилло-Белозерском монастыре. Дети были распределены по кельям, от монастыря получали еду, одежду и на Пасху подарки. Приютом управлял особый монах-воспитатель – «старец для голышни». В возрасте 18–20 лет они уже именовались детенышами и получали от монастыря дворы с земельными наделами, на которых вели свое хозяйство и выполняли кое-какие работы для монастыря. Сироты в основном происходили из деревень, расположенных рядом с монастырем [5, с. 192–193].

В ходе Отечественной войны 1812 г. православные обители сделали крупные вклады на создание отрядов народного ополчения. Так, Троице-Сергиева лавра внесла 70000 руб. ассигнациями, 2500 руб. серебром и 5 пудов 20 фунтов 20 золотников серебра в вещах и слитках, Александроневская лавра – 25225 руб. ассигнациями и 5 пудов 37 фунтов 85 золотников серебра [6, с. 81].

В начале XX века и накануне Первой мировой войны монастыри активно участвовали в широко развернувшемся православном трезвенническом движении.

Таким образом, на каждом этапе развития монастырской благотворительности расширялись и видоизменялись формы проявления сострадания к тем, кто нуждается в помощи – к убогим, нищим, сиротам и пр.

Начавшаяся в 1914 г. война, оказавшейся небывало кровопролитной и разорительной, внесла заметные коррективы в традиционные формы монастырской благотворительности. Спешно переоборудовались под госпитали и расширялись монастырские больницы, открывались новые. Так уже к концу 1914 г. лазареты были открыты в 207 монастырях из 1256 обителей, существовавших к тому времени на территории Российской империи. 139 лазаретов были собственно монастырскими, а 68 принадлежали другим организациям. В собственно монастырских лазаретах насчитывалось 4135 кроватей [7, с. 283].

Наибольшее число монастырских лазаретов открылось в Московской (на 1251 кровать), Петроградской (360) и Киевской (356) епархиях. В Московской епархии особо выделялся лазарет, открытый Троице-Сергиевой лаврой на 200 кроватей. 150 мест насчитывалось в госпитале Московской Покровской общины. Примечательно, что в расходе на его содержание участвовали все московские монастыри.

С началом мировой войны существенно выросла благотворительная деятельность Александро-Невской лавры. Обитель оборудовала и отправила на фронт передвижной лазарет. Существовал еще один этапный лазарет Александро-Невской лавры на театре военных действий, который с 1916 г. во Франции обсуживал русские войска. В самой лавре был открыт небольшой госпиталь на 30 мест. В ее храмах регулярно проводился сбор пожертвований для раненых воинов. В 1915 г. в Серафимо-Антониевском скиту было построено специальное здание для размещения там приюта увечных воинов. Кроме того, на полном содержании обители проживали священники-беженцы из Галиции, по почте оказывалась финансовая и материальная помощь русским военнопленным [8, с. 89, 90]. Лазарет Петроградского Воскресенского женского монастыря был рассчитан на прием 140 человек.

В начале войны была переоборудована под госпиталь образцовая больница Киево-Покровского женского монастыря. В Киеве это был самый хорошо оборудованный госпиталь, принимавший до 225 раненых и больных. Монахини и послушницы работали в нем в качестве сестер милосердия. Лазарет при Киево-Печерской лавре имел 120 кроватей.

Хорошо оборудованные монастырские лазареты были развернуты и в других епархиях. Например, госпиталь в Ростовском Спасо-Яковлевом монастыре, рассчитанный на 150 раненых, имел не только операционную и перевязочную, но и рентгеновский кабинет [7, с. 283].

Действенную помощь солдатам Русской Армии стремились оказать и менее крупные и не столь известные в православном мире монастыри, расположенные в основном в российской провинции. Так, в Белевском Спасо-Преображенском монастыре на средства обители был открыт лазарет на 12 кроватей. Для лазарета настоятель монастыря архимандрит Петр (Зверев) – впоследствии архиепископ Воронежский, ныне прославленный в лике Новомучеников Российских – отвел свои келейные покои, а сам поселился

под колокольной в малоудобном помещении. Монастырь бесплатно кормил жен и сирот воинов. Например, в 1916 г. для них было устроено 2562 обеда. Монастырем отчислялись средства в Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. Переводом также отсылались средства на строительство храма на Куликовом поле и храма в память павших воинов сухопутной армии и на устройство и поддержание в должном порядке мест для погребения их останков [9, с. 32–33].

Монастыри, размещавшие в своих стенах лазареты других организаций, чаще всего отдавали под них гостиницы для паломников («странноприимницы»). В них могли разместиться порой довольно большие лазареты. Например, военное ведомство устроило в Киево-Михайловском монастыре госпиталь на 450 кроватей. Звенигородское уездное земство открыло лазарет в Ново-Иерусалимском монастыре. Параскево-Вознесенский женский монастырь Пензенской епархии отвел под госпиталь Земского союза трехэтажный корпус. Всего в монастырях, по неполным данным, были открыты госпитали других организаций и ведомств на 5455 мест. Общее число раненых и больных в этих лазаретах было даже больше, чем собственно в монастырских. Следует особо подчеркнуть, что монастыри, как правило, принимали участие в содержании развернутых на их территории госпиталей. Например, Ново-Иерусалимский монастырь одновременно пожертвовал на устройство госпиталя 500 руб., отапливал и освещал его за свой счет и бесплатно снабжал продовольствием. Параскево-Вознесенский монастырь оборудовал лазарет на свои средства и участвовал в его содержании.

Монахини и послушницы ухаживали за ранеными не только в собственных монастырских лазаретах, но и в других. Так, сестры Новоторжского монастыря Тверской епархии обслуживали лазарет Земского союза на 500 раненых, устроенный в здании духовной семинарии. В различных госпиталях той же епархии работали сестры Тверского, Оршина, Старицкого, Мариинского, Вышневолоцкого, Казанского, Кашинского, Шестаковского и Ильинского монастырей. Во многих женских обителях были организованы мастерские по шитью белья для лазаретов. В целом женские монастыри, и ранее склонные к благотворительной деятельности, в годы войны особенно активно выступили на этом поприще [7, с. 284].

Некоторые монастыри проявляли заботу о семьях солдат и офицеров, ушедших на войну. Григорие-Бизюков монастырь Херсонской епархии бесплатно снабжал ржаной мукой свыше 750 таких семей. Киево-Михайловский монастырь взял на свое иждивение 12 семей военнослужащих, Нижегородский Оранский монастырь оказывал помощь 60 семьям. В 10 монастырях в 1914 г. были открыты небольшие приюты для осиротевших детей. В 1915 г. число и вместимость этих приютов значительно выросли [7, с. 284].

В годы войны стало меняться отношение монашествующих к делу благотворительности и формам участия в этом деле. Патриотический порыв выразился в служении представителей черного духовенства вне монастырских стен в качестве духовников различных воинских частей и медико-санитарных учреждений. Некоторые инок заняли должности полковых священников. Многие монахи были командированы в полевые госпитали и лазареты, где они оказывали раненым духовную помощь. Так, молодой ученый иеромонах Александро-Невской лавры Николай (Ярушевич) определением Св. Синода от 26 октября 1914 г. был командирован на театр военных действий с санитарно-питательным поездом в качестве духовника-проповедника, с сохранением звания профессорского стипендиата. Интересно отметить, что этот поезд был организован известным ультраконсервативным политическим деятелем, депутатом Государственной Думы В.М. Пуришкевичем.

Молодой ученый иеромонах, поступивший в ведение протопресвитера военного и морского духовенства, отправился к линии фронта, чтобы утешать раненых в боях воинов, напутствовать умирающих, ободрять павших духом. Приказом протопресвитера военного и морского духовенства Г. Шавельского от 27 ноября 1914 г. иеромонах Николай был переведен из санитарно-питательного поезда в лейб-гвардии Финляндский полк исполняющим обязанности полкового священника. Этот один из славнейших полков Российской гвардии с началом войны был отправлен для усиления армии, и уже в октябре принимал участие в боях под Варшавой, а ноябре – в тяжелейших боях под Краковом. О. Николай прибыл в измотанный сражениями полк на место иеромонаха Нило-Столбенской пустыни Амвросия и сразу же ревностно приступил к своим пастырским обязанностям. В связи с этим следует отметить, что служение военного духо-

венства в годы Первой мировой войны было поистине подвижническим. Помимо непосредственных обязанностей, строевому священнику предписывалось во время боевых действий находиться на передовом перевязочном пункте, а в случае необходимости перемещаться вперед и, если потребуется, даже за окопы. Он должен был помогать врачам и санитарам при перевязке больных, заведовать уборкой с поля убитых и раненых воинов, заботиться о поддержании воинских могил и вести переписку с родственниками убитых [10, с. 58–59].

Свои впечатления от увиденного на фронте иеромонах Николай отсылал в Петроградские журналы и газеты. В своих корреспонденциях он нарисовал яркие картины разрушений и человеческих страданий, а также восхищался «самоотверженностью русского христолюбивого воинства». Стремление облегчить физические страдания раненых и умирающих воинов породили у иеромонаха Николая увлечение медициной. Он начал старательно изучать медицинские пособия. Но главной его задачей оставалось духовное утешение страждущих и напутствие на исполнение воинского долга. Впоследствии, уже в советскую эпоху, о. Николай станет одним из самых известных и выдающихся иерархов Русской Церкви – митрополитом Крутицким и Коломенским, председателем отдела Внешних сношений и председателем Издательского отдела Московской Патриархии, постоянным членом Св. Синода и основным помощником патриарха Алексия I в управлении Церковью в 1940–1950-е гг.

Большая благотворительная работа проводилась будущим основателем Русской Зарубежной Церкви владыкой Антонием (Храповицким). Начало Первой мировой войны застало его на Харьковской кафедре. Он лично благословлял части войск, отправлявшиеся на фронт, служил молебны, произносил вдохновенные патриотические проповеди. Но не только словом, но и делом архиепископ Антоний помогал своему народу в трудную минуту его истории. Он жертвовал деньги на устройство новых госпиталей и призывал к тому же свою паству.

В 1915 г. Харьковская епархия наполнилась беженцами, приехавшими из Галиции, Волыни и Холмщины. Владыка старался сделать все, что мог, чтобы помочь прибывающим и облегчить их положение, проявляя при этом искреннюю заботу. Монашествующих он разместил по монастырям Харьковской епархии, белое духовенство при первой возможно-

сти устраивал на приходы. Простому народу предоставлял работу, а часть устраивал на содержание монастырей. За эти труды владыка в 1915 г. был награжден орденом св. Александра Невского [11, с. 394, 395].

Таким образом, в жизненно важное дело врачевания военных ран представители черного духовенства и православные обители в целом внесли значительный вклад. Следует заметить, что он мог быть еще больше, если бы в предвоенные годы не был сделан резкий крен в сторону созерцательного направления в русском монашестве. Поэтому в годину военных испытаний и бедствий трудно было сразу развернуть дело помощи нуждающимся. Кроме того, и в военный период значительная часть монастырей продолжала жить по-старому, ограничиваясь лишь денежными отчислениями на благотворительные нужды. В связи с этим важно учесть, что многие обители сами оказались в весьма стесненных обстоятельствах вследствие уменьшения численности паломников, растущей дороговизны и обеднения населения, сокращения пожертвований, убыстряющейся инфляции, и были вынуждены покрывать разницу в доходах и расходах за счет накоплений прошлых лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Ключевский В.О.** Добрые люди древней Руси // Богословский вестник. 1892. № 1.
2. **Добровольская Т.А., Мастеропуло А.П., Поддубный М.В.** О перспективах возрождения христианской благотворительности // На пути к свободе совести. М., 1989.
3. **Рункевич С.** Приходская благотворительность в Петербурге. СПб., 1914.
4. Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002.
5. **Смолич И.** Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997.
6. **Мельникова Л.В.** Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002.
7. **Зырянов П.Н.** Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002.
8. **Шкаровский М.В.** Александро-Невская Лавра. 1913–2013. Т. 1. СПб., 2012.
9. Герасим (Дьячков), иеромонах. Белевский край. Очерки церковной жизни XX–XXI вв. М., 2010.
10. **Сурков С.А.** Митрополит Николай (Ярушевич). М., 2012.
11. **Никон (Рклицкий)**, архиепископ. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время 1863–1936. Кн. вторая. Нижний Новгород, 2004.